

© 2007 г. С.С. САЙ

ПРАГМАТИЧЕСКИ ОБУСЛОВЛЕННЫЕ ВОЗВРАТНЫЕ КОНСТРУКЦИИ «ОПУЩЕННОГО ОБЪЕКТА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ*

В современном русском языке активизировалась возвратная конструкция, характеризующаяся тем, что «за кадром» оказывается нерелевантный участник, который мог бы занять позицию прямого дополнения в конструкции с соотносительным (исходным) невозвратным переходным глаголом. Рассматриваемая возвратная конструкция оказывается своего рода компромиссом в ситуации, когда и эксплицитная переходная конструкция, и конструкция с простым опущением прямого дополнения при переходном глаголе являются прагматически нежелательными для говорящего. Опускание участника происходит с опорой на активацию определенного фрейма, в рамках которого этот участник оказывается предсказуемым. Использование рассматриваемой конструкции отражает распределение прагматического веса между компонентами выражаемого смысла. То, что условия использования конструкции лежат в дискурсивно-прагматической плоскости, а не в области синтаксиса или каких-либо жестких семантических параметров, свидетельствует о грамматикализационной молодости явления.

1. ВВЕДЕНИЕ

В современном русском языке, прежде всего, разговорном, наблюдается значительная активизация таких конструкций с возвратными глаголами, которые могут быть проиллюстрированы следующими зафиксированными в речи высказываниями:

- (1) *Ну что, попробуйте сейчас запуститься.* (= Запустить компьютерную программу)¹.
- (2) *Если хочешь ткнуться, то ткнись вон туда.* (= «Ткни» зарядное устройство мобильного телефона в ту розетку).
- (3) *Ты что, будешь ксериться?* (= «Ксерить» свои бумаги).
- (4) *То есть все равно вечером нужно отщелкнуться, даже если ты остаешься на ночь.* (= «Отщелкнуть» магнитную карточку). {О системе контроля присутствия на рабочем месте. До этого говорится, что когда выходишь с работы, нужно «отщелкнуть» карточку, т.е. поднести ее к считывающему устройству, которое издает щелкающий звук}.
- (5) *Мы уже подались в Тарту.* (= Подали свои тезисы на конференцию в Тарту).

* При подготовке текста статьи автору помогли своими замечаниями и советами Ю.П. Князев, В.П. Недялков, Е.А. Рахилина, А.Ю. Русаков, М.В. Русакова и В.С. Храковский, читавшие различные варианты этого текста и обсуждавшие с автором высказываемые здесь положения. Также хотелось бы выразить благодарность многочисленным коллегам и друзьям, помогавшим мне в сборе материала.

¹ Здесь и далее используется следующий формат представления русских высказываний. Обсуждаемое высказывание набирается курсивом; во многих случаях в нем выделяется полужирным шрифтом ключевой для анализа фрагмент, чаще всего это возвратная форма глагола. В круглых скобках после знака равенства (=) приводится, там, где это необходимо, контекстное значение высказывания или его фрагмента. В фигурных скобках в случае необходимости дается комментарий к высказыванию, например, описывается экстралингвистическая конситуация, приводится левый или правый контекст и т.д.

Для адекватного анализа проиллюстрированного явления необходимо сформулировать его конституирующие свойства. Эти свойства можно выявить путем сопоставления исследуемых возвратных конструкций с конструкциями, в которых используются соотносительные невозвратные глаголы. Так, например, высказывание (1), по всей видимости, можно соотнести со следующим:

(6) *Ну что, попробуйте сейчас запустить компьютерную программу*².

При сопоставлении двух денотативно синонимических конструкций выявляются следующие ключевые свойства обсуждаемой конструкции с возвратным глаголом: 1) субъекты двух конструкций совпадают; 2) производная конструкция (1), как и (почти) все возвратные конструкции в русском языке, является непереходной, исходная же конструкция (6) – переходна; 3) в производной конструкции никак не выражен участник, соответствующий прямому объекту исходной конструкции, хотя он и представлен семантически.

Суммируя выявленные свойства высказываний, подобных (1)–(5), можно отметить, что они в целом соответствуют «широкому» пониманию **антипассивной конструкции** (ср. определение М. Полинской: «Необходимый и достаточный признак АК [антипассивной конструкции. – С.С.]: название партиципанта, претендующего на статус Дп [прямого дополнения. – С.С.], получает статус ниже Дп» [Полинская 1986: 9])³. Далее исследуемые конструкции будут обозначаться как **антипассивные возвратные конструкции (АВК)**.

Нельзя, однако, не согласиться с тем, что «[a]ny characterization of ANTI [антипассивной конструкции. – С.С.] in terms of demotional and/or promotional properties does not reveal its *raison d'être*, but, rather, establishes a mode of description» [Kozinsky et al. 1988: 698]. В самом общем виде цель предлагаемого ниже анализа – выявить «*raison d'être*» русских АВК, т. е. выяснить, как и для чего они используются в речи.

Вообще говоря, активизация обсуждаемой модели – это следствие расширения модели образования возвратных глаголов, традиционно называемых «посессивно-рефлексивными возвратными глаголами» [Князев, Недялков 1985] или «возвратными глаголами включенного неодушевленного объекта» [Кретов 1978]. При этом в большинстве работ, где так или иначе затрагивались «возвратные глаголы включенного неодушевленного объекта» (а упоминаются они почти во всех основных работах по русским возвратным глаголам, например, помимо уже названных, в [Янко-Триницкая 1962; Gerritsen 1990; Князев 2005: 182–183]), в сферу рассмотрения попадали в основном лишь наиболее устоявшиеся образования такого рода, т. е. такие глаголы, как, например, *зажмуриться* 'зажмурить глаза', *упаковаться* 'упаковать вещи', *потратиться* 'потратить деньги', *строиться* 'строить жилье, дом, домашние постройки', *заправиться* 'заправить транспортное средство (например, бензином)', *сосредоточиться* 'сосредоточить внимание', *печататься* 'печатать свои сочинения'. Неэксплицированный участник таких лексикализованных возвратных образований, как неоднократно отмечалось в литературе, идиосинкратически закреплён за конкретной лексемой; например, действительно, «*тратиться* можно деньги, зарплату, стипендию, бумагу, (переносно) силы, слова и т. п. – *тратиться* обозначает только 'тратить деньги, средства'» [Янко-Триницкая 1962: 175]. Однако в ходе расширения этой модели (а единственной известной мне работой, где это расширение было отмечено, является недавняя статья Б.Ю. Нормана [Норман 2004]),

² Именная группа *компьютерную программу* выбрана мною условно, как в принципе подходящая для передачи требуемого смысла. Подразумеваемый объект может быть обозначен и другими референтными выражениями, например, названием конкретной программы, словосочетанием *эту штуковину* и т. д.

³ Предельным случаем понижения партиципанта, претендующего на статус Дп, М. Полинская считает и его удаление из синтаксической структуры.

наблюдаемого в спонтанной речи и проиллюстрированного высказываниями (1)–(5), жесткая связь между возвратной лексемой и характером неназванного участника ситуации нарушается, что подтверждается хотя бы возможностью различной интерпретации неназванного участника в разных высказываниях с одним и тем же антипассивным возвратным глаголом (далее – АВГ):

- (7) *Ну давай, Ленка, закрывайся.* (= Закрывай дверь). {Адресат (NB!) этого высказывания только что покинул квартиру, на пороге которой находится говорящий}.
- (8) *Уже закрываться пора.* (= Пора закрывать компьютерные программы). {Произнесено в офисе при приближении времени, на которое было назначено отключение электроэнергии}.
- (9) *Ну что, закрываемся?* (= Закроем карты?). {«Заккрыть карты» или «играть втемную» – такой способ розыгрыша, при котором карты не кладутся на стол}.

Таким образом, правильная интерпретация рассматриваемых употреблений, в отличие от лексически закрепленных «возвратных глаголов включенного объекта», невозможна без обращения к конкретной ситуации речи. Другими словами, подобные возвратные глаголы не вполне корректно называть глаголами **включенного** объекта, ведь здесь семантика неэксплицированного участника не включена в значение возвратного глагола на уровне словаря (как в случае с глаголами типа *зажмуриться, упаковаться, потратиться* и т.п.); эти глаголы точнее было бы, наверное, называть возвратными глаголами **опущенного** объекта.

По всей видимости, для таких конструкций верно достаточно общее утверждение о том, что «sentence constituents may be omitted provided that the information conveyed by that part of the sentence is self-evident in the particular context so that the communicative process is unimpaired» [Brecht, Levine 1985: 122–123]. Проблеме невербализации компонентов семантики высказывания посвящена значительная литература; из недавних исследований такого рода на материале русского языка следует отметить обсуждение в [Падучева 2004: 427–428]. При этом на уровне аргументной структуры предиката выделяются по крайней мере три типа причин возможной невербализации участника, которые являются едва ли не универсальными, а именно, i) генерализованное прочтение, ii) семантическая инкорпорация в лексическое значение эксплицитно выраженных компонентов высказывания и iii) опущение (а значит, и интерпретация) с опорой на контекст/конситуацию. Так, например, все три типа причин невербализации в принципе возможны для безобъектного использования русских переходных глаголов, ср. *Петя медленно читает* (генерализованное прочтение), *Он в последнее время много пьет* (инкорпорировано значение объекта ‘алкогольные напитки’), *Ну что, прочитал?* (опущение с опорой на контекст, высказывание может сопровождаться дейктическим жестом). Исследователями отмечался определенный параллелизм между типами потери переходности в русских конструкциях с непереходными употреблениями словарно переходных глаголов и в конструкциях с возвратными глаголами, образованными от переходных глаголов [Янко-Триницкая 1962: 72–76, 172–174]. Также хорошо известно, что существуют возвратные конструкции с генерализованным прочтением объекта (абсолютивные глаголы, например, *кусаться в собака кусается*) и с семантической инкорпорацией объекта (возвратные глаголы «включенного неодушевленного объекта» – *зажмуриться, упаковаться* и т.д.), т.е. возвратные глаголы, относящиеся к названным выше типам i) и ii) соответственно. Таким образом, конситуативные АВГ опущенного объекта, безусловно относящиеся к типу iii, оказываются своего рода недостающим звеном для традиционных описаний русских возвратных глаголов, ведь в этих описаниях обычно не рассматривается возможность интерпретации устраненного объекта при возвратном глаголе с опорой на контекст/конситуацию.

При этом при обсуждении случаев синтаксической невыраженности, по крайней мере, применительно к русским возвратным глаголам, чаще всего задача состоит в том, чтобы правильно выбрать способ **интерпретации** эксплицитно невыраженной семанти-

ки; в каком-то смысле такой подход соответствует позиции **слушающего**. Рассмотрение в этом ключе русских возвратных глаголов – это, помимо всего прочего, основной подход к классификации некоторых подклассов этих глаголов (ср. традиционное противопоставление абсолютных возвратных глаголов и возвратных глаголов включенного объекта, а также попытку более четкого противопоставления лексических и ситуативных АВГ в [Say 2005]).

Вопрос же, который ставится гораздо реже – опять же, по крайней мере, применительно к русским возвратным конструкциям, – это вопрос о функциональной противопоставленности структурно несовпадающих конструкций, имеющих сходное семантическое наполнение; в каком-то смысле такой подход больше соответствует позиции **говорящего**, выбирающего одну из нескольких доступных структур, при помощи которых в принципе может быть выражено необходимое когнитивное содержание.

Основная цель предлагаемого здесь обсуждения как раз и заключается в том, чтобы выявить дискурсивные и прагматические предпосылки использования АВК без ущерба для протекания коммуникации, позволяющие говорящему предпочесть АВК другим, в частности, более эксплицитным способам выражения необходимого смысла. Эти прагматические предпосылки максимально отчетливо прослеживаются в конструкциях с наиболее конситуативно-ориентированными, т.е. нелексикализованными АВГ, на которые и будет в основном опираться дальнейшее изложение.

Материалом предлагаемого обсуждения явился корпус высказываний, содержащих АВК. По большей части в корпусе фиксировались именно инновативные, наиболее отчетливо требующие контекстной поддержки и часто кажущиеся ненормативными высказывания. В среднем мне удавалось зафиксировать одно окказиональное антипассивное образование в день, что свидетельствует о достаточно высокой распространенности этой модели. После того, как количество собранных высказываний превысило 100, я стал регистрировать только те АВК, которые оказывались диагностическими для уточнения какого-то аспекта анализа. На данный момент корпус насчитывает около 250 высказываний, в нем представлено около 180 различных АВГ. В тех случаях, когда это было возможно, – а такая возможность была, разумеется, далеко не всегда, – я старался получить у говорящего, породившего высказывание с АВК, интроспективный комментарий о предполагаемом значении высказывания и о причинах, заставивших его породить высказывание именно в такой форме.

Следует особо подчеркнуть, что среди этих комментариев мне не встретилось ни **одного** указания на то, что обсуждаемая форма была произнесена по ошибке, т.е. вследствие сбоя при порождении высказывания. Также мною не было зафиксировано ни одного случая, когда говорящий заменил бы произнесенную АВК на более эксплицитную конструкцию. Другими словами, анализируемые высказывания, по крайней мере, их подавляющее большинство, были порождены в соответствии с речевым планом говорящего. Этот факт указывает на то, что эта конструкция входит в арсенал доступных языковых средств даже для тех носителей языка, которые оценивают ее как окказиональную, ненормативную, и связывают ее с «небрежностью» разговорной речи. Сказанное еще раз подтверждает, что «возвратный антипассив» является продуктивным грамматическим явлением, занимающим свое место в морфосинтаксическом устройстве современного русского языка.

II. КОНСИТУАТИВНЫЕ АВГ КАК ДИСКУРСИВНЫЙ КОМПРОМИСС

Представляется, что у любой конситуативной АВК есть два основных «конкурента» – обычная переходная конструкция с эксплицитным указанием на «подразумеваемый» объект и конструкция с исходным переходным глаголом, позиция прямого дополнения при котором просто оказывается незаполненной. Так, для реально зафиксированного высказывания (10) можно сконструировать парафразы (11) и (12), при этом в плане позициональной семантики все три высказывания оказываются денотативно идентичными:

- (10) *Вы там сами завернетесь?* (= Завернете свою покупку?). {Продавщица обращается к покупательнице в магазине, выясняя таким образом, может ли она переключить свое внимание на следующего покупателя}.
- (11) *Вы там сами завернете свою покупку?* (см. примечание 2)
- (12) *Вы там сами завернете* $\emptyset_{\text{ref}}$?

При этом существенно то, что выбор АВК не является лексически закрепленным, ведь любой переходный глагол может быть, естественно, использован в переходной конструкции и почти любой – в конструкции с $\emptyset_{\text{ref}}$, т.е. с контекстно опущенным прямым дополнением (по крайней мере, в достаточно «сильном» контексте)⁴. Таким образом, использование АВК в первую очередь определяется дискурсивно-прагматическими факторами, которые заставляют говорящего предпочесть ее двум другим конкурирующим конструкциям.

Другими словами, (почти) всегда, когда в речи фиксируется конструкция с конситуативным АВГ, в принципе можно представить себе, что на ее месте была бы использована любая из двух конкурирующих конструкций⁵. Какие же дискурсивные функции выполняют АВК, в каких случаях в речи используются они, а не конкурирующие с ними и в целом более частотные конструкции?

Предлагаемый ответ на этот вопрос в целом сводится к тому, что как обычная переходная конструкция, так и конструкция с ненасыщенной валентностью переходного глагола имеют дискурсивные импликации, которые не всегда желательны для говорящего. В этом смысле конситуативные АВК – это своего рода компромисс, позволяющий говорящему избежать тех нежелательных «побочных эффектов», с которыми связано использование двух других конструкций.

Рассмотрим сначала соотношения между АВК и переходной конструкцией. Следует заметить, что привычной прагматической импликацией использования переходной конструкции является то, что «the change / preservation of the state of the DO [direct object. – S.S.] referent is pragmatically relevant» [Kozinsky et al. 1988: 675]; вообще говоря, наблюдения о прагматической выделенности позиции прямого дополнения делались в литературе неоднократно, см., например, обсуждение – уже на русском материале – в [Апресян 1983: 7 и далее].

При этом из типологических исследований хорошо известно, что антипассивизация, т.е. удаление участника из приоритетной позиции прямого дополнения, – это операция, которая часто «highlights the activity, and thereby takes some weight off its effect upon the object» [Catford 1976: 169]. Именно такая функция, если понимать ее в прагматической, а не в семантической плоскости, является ключевой для АВГ.

⁴ Вопрос о том, следует ли трактовать это явление как эллипсис или как (глубокую) нулевую анафору, выходит за рамки предлагаемого обсуждения. Символ $\emptyset_{\text{ref}}$ здесь и далее используется условно вслед за [Kozinsky et al. 1988].

⁵ Из высказанного утверждения о принципиальной заменимости конситуативных АВГ на другие две обсуждаемые конструкции не следует, впрочем, делать вывод о том, что и всякий переходный глагол заменим на конситуативный АВГ. В целом, конечно, конситуативные АВК имеют гораздо более ограниченную дистрибуцию, чем переходные конструкции и конструкции с контекстно незаполненной валентностью переходного глагола. Разумеется, ключевым фактором, существенно понижающим заменимость переходных конструкций и конструкций с $\emptyset_{\text{ref}}$ на АВК, является стилистический фактор: для многих носителей языка и для многих ситуаций и регистров речи использование АВК неприемлемо. Однако этот фактор в дальнейшем не будет учитываться: дискурсивно-прагматические свойства АВК будут рассматриваться только для ситуации, когда их использование не «блокировано» по стилистическим соображениям. Помимо этого, наблюдаются и лексические ограничения на образование АВК, однако, как будет показано ниже, эти ограничения являются своеобразным преломлением более общих дискурсивно-прагматических свойств этой конструкции.

Другим обобщением, имеющим отношение к использованию переходных конструкций, является то, что «the majority of languages conform to a principle of discourse organisation according to which the newly introduced referent is preferably put in DO position» [Kozinsky et al. 1988: 673]; см. также дальнейшие отсылки к целому ряду работ, в том числе к [Givón 1979: 51–83]. Это предположение в последние годы интенсивно обсуждается в рамках гипотезы о так называемой «preferred argument structure»; обзор обширной литературы по этой гипотезе см. в [Du Bois et al. 2003].

Имея в виду все сказанное о переходной конструкции, обратимся к обсуждению интересующей нас конкуренции конструкций на примере высказываний (10) и (11). Итак, если бы говорящего, породившего высказывание (10), интересовало состояние имплицитного референта (покупки) и/или этот референт имел бы высокие шансы быть упоминаемым в последующем дискурсе, то говорящий, скорее всего, предпочел бы переходную конструкцию (11). Это, например, практически неизбежно произошло бы при следующей прагматической установке говорящего: {Я знаю, что ваша покупка – ценный и требующий бережного обращения предмет. Я хочу понять, сможете ли вы завернуть его должным образом.}. Использование АВК (10) в таких прагматических условиях кажется, напротив, совершенно неприемлемым.

Действительный контекст, в котором было зафиксировано высказывание (10), был совершенно иным; прагматика этого высказывания заключалась в том, чтобы установить, кто из двух участников диалога выполнит действие (заворачивание покупки), сам характер которого находится в пресуппозиции (ср. употребление слова *сами*). По всей видимости, установка говорящего была примерно следующей [= Вампу покупку надо завернуть, это понятно. Это должен сделать кто-то из нас. У меня есть другие дела: я должна обслужить следующего клиента. Поэтому я надеюсь, что вы сделаете все сами, без моего участия].

Что же касается другого конкурента АВК, т.е. конструкции с ненасыщенной валентностью на прямое дополнение переходного глагола ($\emptyset_{ref}$), то ее использование в основном ограничивается теми случаями, когда референция или родовая принадлежность⁶ соответствующего участника уже установлена в предшествующем дискурсе, обычно – на основе эксплицитного упоминания. Особенно характерно такое нулевое выражение для участника с высокой топиальностью, для **темы** сообщения (ср. «[u]ninterrupted theme [in Russian. – S.S.] is zero. (...). The theme is overtly marked on its first occurrence. Thereafter it is marked with anaphoric zeroes» [Nichols 1985: 173]). Примером высказывания с $\emptyset_{ref}$ является, например, следующее предложение:

(13) *Я тут накупил супов растворимых – так хорошо! Даже варить $\emptyset_{ref}$ необязательно. Разбавил в воде $\emptyset_{ref}$, и всё.*

В приведенном высказывании кажется возможным употребление обычной, ненулевой, анафоры⁷; представить же себе на месте переходных глаголов соотносительные АВГ в подобных контекстах, по всей видимости, совершенно невозможно.

Таким образом, несмотря на денонативную «синонимичность», все три обсуждаемые конструкции имеют свои особые прагматические побочные эффекты, которые можно условно представить на примере реально зафиксированного высказывания (16) и его «конкурентов» (14) и (15):

⁶ Не во всех случаях, когда используется знак $\emptyset_{ref}$, можно говорить о **референции** подразумеваемого объекта; точнее будет сказать, что этот знак используется тогда, когда необходимый смысл мог бы быть выражен при помощи полной именной группы, не обязательно являющейся референтной, ср. следующие высказывания: – Ты когда-нибудь видел живого слона? – Нет, никогда не видел $\emptyset_{ref}$! Здесь $\emptyset_{ref}$ соотносимо с именной группой *живого слона*, но имеет неререферентное прочтение.

⁷ Вопрос о выборе между нулевой и местоименной анафорой в русском языке требует отдельного рассмотрения и здесь обсуждаться не будет.

- (14) *Ты уже сдал экзамен по диалектологии?* {«Дефолтная» переходная конструкция. Неестественна перед дверьми аудитории, откуда студенты выходят после экзамена. Напротив, естественна в ситуации обсуждения между двумя студентами успехов в сдаче зачетно-экзаменационной сессии}.
- (15) *Ну что, сдал $\emptyset_{ref}$?* {Типовая импликация / конситуация: «Я знаю, что у тебя был сложный и важный экзамен. Мне не было вполне очевидно, что ты можешь его успешно сдать. Я вижу, что ты выходишь из аудитории. Я хочу узнать, удалось ли тебе сдать экзамен. Мне это небезразлично»}.
- (16) *Ну что, сдался?* {Типовая импликация / конситуация: «Мы давно договорились с тобой пойти после твоего экзамена туда-то и туда-то. Результат твоего экзамена меня, в общем-то, интересует мало. Я звоню тебе по телефону, чтобы узнать, свободен ли ты наконец»}.

Иногда в случаях использования АВГ возникает ощущение, что референция подразумеваемого объекта все-таки создается именно левым контекстом, как, например, в следующем высказывании:

- (17) – *Ты уже снимаешь кассу? – Да нет, рано еще **сниматься**.*

В действительности же, однако, в этом примере значение АВГ не полностью соответствует значению исходного переходного глагола с предупомянутым референтом в позиции прямого дополнения. Так, говорящий, породивший вторую реплику в примере (17), выражает мысль о том, что в принципе еще слишком рано для того, чтобы совершать обсуждаемое действие, так сказать, «заниматься кассосниманием», т.е. подразумеваемый объект здесь имеет генерический статус. Если бы имелась в виду конкретная касса, о которой и был задан вопрос, то скорее всего была бы употреблена конструкция с $\emptyset_{ref}$ или с анафорическим местоимением: *Да нет, (мне) рано еще $\emptyset_{ref}/ee_{ref}$ снимать*.

Теперь можно подвести предварительные итоги обсуждения прагматических свойств трех обсуждаемых типов конструкций. Представляется, что АВК схожа с конструкцией с нулевой анафорой в том, что они обе являются по природе контекстными (эллиптическими в широком смысле слова), а также тем, что они не фокусируют внимание слушающего на изменениях в состоянии объекта. С другой стороны, АВК отличается от конструкций с нулевой анафорой тем, что «опущение» объекта в АВК не опирается на предшествующие эксплицитные упоминания определенного референта; скорее оно обуславливается нерелевантностью и/или очевидностью соответствующего участника. Наконец, АВК отличаются как от переходной конструкции, так и от конструкции с нулевой анафорой тем, что их подразумеваемый объект практически никогда не упоминается эксплицитно в последующем дискурсе. Схематично дискурсивные свойства имплицитного участника АВК по сравнению со свойствами соответствующего участника двух других конструкций представлены в Таблице 1:

Таблица 1

Дискурсивные свойства объектов в переходной конструкции, АВК и конструкции с $\emptyset_{ref}$

	Переходная конструкция	АВК	$\emptyset$ -анафора
Контекстность интерпретации	–	+	+
Прагматическая релевантность изменения состояния О	вероятна	–	маловероятна
Предшествующее упоминание О	маловероятно	очень маловероятно	вероятно
Последующее упоминание О	возможно	–	возможно

Как представляется, распределение свойств, отраженных в двух нижних строках Таблицы 1, соответствует схематичному представлению относительной топиальности Агенса и Пациенса в конструкциях разных типов, предложенному Т. Гивоном при обсуждении антипассивных конструкций на материале эргативных языков (Таблица 2 с незначительными изменениями воспроизводится по [Givon 1984: 164]):

Таблица 2

Относительная топиальность Агенса и Пациенса в конструкциях разных типов

Clause type	relative topicality of Agent (AGT) and Patient (PAT)
Ergative	AGT > PAT
Antipassive	AGT >> PAT
Passive	PAT >> AGT

Учитывая то, что в качестве двух мер топиальности Т. Гивон использует количество упоминаний в предшествующем и последующем дискурсе, предложенное выше представление дискурсивных свойств русских АВК (Таблица 1, точнее две ее нижние строки) оказывается замечательно параллельно типологическому обобщению Т. Гивона, согласно которому антипассивные конструкции регулярно используются в языках мира в ситуации особенно низкой топиальности второго участника.

По всей видимости, особым распределением внимания говорящего между участниками ситуации при использовании АВК определяются и некоторые ограничения на их образование, связанные с одушевленностью, а именно то, что не фиксируются такие АВК, где позиция подлежащего заполнена неодушевленным именем (18), а также такие АВК, где «подразумеваемый» объект является одушевленным (19):

(18) **Это ведро вместится* (предполагаемое значение: 'вместит то, что в него хотят налить').

(19) **Ну что, побился?* (предполагаемое значение: 'побил мальчишек во дворе' и т.п.).

Запрет на образование АВК в такого рода ситуациях, по всей видимости, связан с перевернутой корреляцией синтаксических и дискурсивных рангов – здесь в позиции потенциального прямого дополнения находится одушевленный референт, т.е. референт, тяготеющий к более высокой топиальности, чем референт подлежащего, – мощнейшая корреляция топиальности и одушевленности хорошо известна.

Сформулированные предположения о природе АВК в их соотношении с конкурирующими конструкциями хорошо ложатся на имеющиеся наблюдения о существовании своего рода промежуточной зоны в известном противопоставлении «данного» и «нового». Так, например, в известной работе Дж. Дюбуа, наряду с традиционными понятиями «данное» («given») и «новое» («new»), вводится понятие «доступного» («accessible»), «I classified a mention as ACCESSIBLE (a) if it was part of a previously evoked, entity-based frame (...), although previously unmentioned; or (b) if it had been mentioned previously, but more than 20 intonation units previously ... – a situation that arose rarely» [Du Bois 1987: 816]; аналогичное тройственное противопоставление, хотя и в несколько иных терминах обсуждается и в [Chafe 1987] – «доступные» референты Дж. Дюбуа в целом соответствуют «полуактивированным» в терминологии У. Чейфа.

Используя подобный понятийный аппарат, можно отметить, что в русском языке н о в ы е референты в конструкции с переходным глаголом тяготеют к позиции эксплицитного ПД, выраженного полной ИГ, анафора (и, в частности, нулевая анафора) типична для д а н н ы х референтов, а АВК употребительны в случае, когда аргумент, претендующий на статус ПД, находится в промежуточной зоне, является только «доступным» в терминах Дж. Дюбуа, см. обсуждение реально зафиксированного высказывания (16) и его «конкурентов» (14) и (15).

Подводя итоги всему сказанному по поводу дискурсивных свойств АВК, можно заключить, что их основная функция связана с 1) стремлением говорящего избежать нежелательного фокусирования внимания слушающего на состоянии или изменении состояния прагматически нерелевантного участника с макроролью Пациентива – отсюда нежелательность переходной структуры – и 2) с нетопикальным статусом этого участника и его недоступностью для анафорического восстановления.

Следует, однако, особо подчеркнуть, что в выдвинутой здесь гипотезе речь идет именно о **прагматической нерелевантности** участника и изменения его состояния, которая не полностью идентична его референциальному статусу (референтности/нереферентности, определенности/неопределенности). Для того чтобы это проиллюстрировать, приведем АВК, в которых опущенные прагматически нерелевантные объекты занимают различное положение на шкале референтности/определенности. Можно начать с наиболее ожидаемого – если судить по типологически установленным функциям антипассива – контекста, а именно со случая, где невербализован нереферентный участник:

(20) *Нельзя макаться!* (= Нельзя – т.е. негигиенично – макать еду в баночку с соусом).

Интересно, однако, то, что подобные АВК с нереферентным подразумеваемым объектом составляют явное меньшинство в корпусе высказываний. Гораздо чаще опускается в конструкциях с АВК референтный участник – неопределенный, как в высказываниях (21)–(22), или определенный, как в высказываниях (23)–(24):

(21) *Мне нужно там переписаться.* (= Переписать файлы). {Говорящий объясняет свое стремление попасть к компьютеру}.

(22) *Вы что, обменяться?* (= Обменять валюту). {Вопрос задан охранником обменного пункта входящему клиенту}.

(23) *Ты уже завелся?* (= Завел машину). {Пассажир задает вопрос водителю}.

(24) *Сейчас давай переложимся туда.* (= Переложим собранные грибы из корзины в короб).

Несмотря на то, что в высказываниях (20)–(24) представлены неэксплицированные участники с различными референциальными статусами, все эти участники имеют то общее свойство, что их «доступность» определяется активацией определенного экстралингвистического фрейма (например, знаний о том, что клиенты приходят в обменный пункт для того, чтобы обменять деньги).

III. ТИПОВЫЕ СИТУАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВК

Теперь, когда основная дискурсивная функция АВК была определена, целесообразно привести несколько групп примеров, отражающих различные преломления этой функции.

1. Заранее установленное соответствие пары участников ситуации

Часто прагматическая нерелевантность объекта, вызывающая использование АВК, возникает тогда, когда само соответствие пары Принципал-Пациентив установлено **до того**, как произносится соответствующее высказывание; как было упомянуто выше, чаще всего такое соответствие устанавливается с опорой на доступный и говорящему, и слушающему «культурный фрейм»⁸, как в следующем примере:

⁸ Ср. понятие «frames-based generic reference», используемое Т. Гивоном: «A culture is much like an organism. Its generically-shared knowledge presumably stored in the permanent semantic memory, is hierarchically organized, with smaller sub-frames ('nodes') fitting into larger frames (...). When a particular frame is activated (...), its subframes, including potential referents, are automatically also activated (...). The availability of referents through cultural frames is not restricted to definite referents, nor even to referring nominals» [Givón 1990: 926–927].

(25) *Сейчас Екатерина Иванова будет перезаряжаться.* (= Перезаряжать свою винтовку).

В этом высказывании, зафиксированном в репортаже с соревнований по биатлону, имплицитный объект 'винтовка' ожидаем: спортсмены, участвующие в соревнованиях, совершают весьма ограниченное число типовых действий, перезарядка винтовки – одно из них. Таким образом, характер подразумеваемого объекта здесь очевиден и для комментатора, и для слушателей. Можно привести и другие примеры, схожие с (25) по свойствам конситуации:

(26) *Сейчас наеду, укрупнюсь.* (= Укрупню изображение). {Говорящий держит в руках цифровой фотоаппарат, подразумеваемый объект очевиден}.

(27) *А, стабилизиемся!* (= Стабилизируем выигрыш). {Зафиксировано в телевизионной интеллектуальной игре, в которой по правилам игрок может *стабилизировать* свой выигрыш, т.е. сделать его «несгораемым»; поскольку правила игры известны участникам речевого акта, подразумеваемый объект также оказывается очевидным}.

(28) *Как-то ты плохо выставился.* (= Плохо, т.е. неудобно для говорящего, выставил бильярдный шар на поле). {Как и в примере (27), описываемое действие – выставление неправильно забитого шара на поле – регламентировано правилами игры, в данном случае, игры на бильярде}.

Как видно из примеров (25)–(28), использование АВК очень типично для таких ситуаций, которые связаны с **четко отрегулированными сферами человеческого поведения**, в которых набор ожидаемых действий лица-субъекта (и объектов этих действий) строго ограничен, например, для различных игр и соревнований, которые характеризуются наличием правил, регламентирующих типовые действия участников. Так, например, ситуацией, провоцирующей регулярное использование АВК, является ситуация игры в карты – в рамках этого фрейма сами 'карты' часто оказываются ожидаемым, очевидным объектом того или иного типового действия. Если говорящему необходимо каким-либо определенным образом идентифицировать определенную карту или несколько карт (например, назвать ее масть и/или достоинство), то, конечно, должна быть использована полноценная переходная конструкция (*клади пикового валета, скидывай червей* и т.п.); однако, если такая идентификация не необходима, то систематически регистрируются АВК:

(29) *Не кладись, сейчас не твой ход.* (= Не клади карты).

(30) *Теперь можешь скидываться.* (= Скидывать ненужную карту).

(31) (...) *еще до того, как он начал выкладывать.* (= Выкладывать карты).

(32) *Ну что, откроемся?* (= Откроем карты), ср. высказывание (9) выше.

Можно заметить, что переходная конструкция, т.е. эксплицитное название подразумеваемого объекта (*карты* или *карт*) в ситуациях, подобных приведенным под номерами (29)–(32), оказывается избыточным, а контекстных оснований для использования конструкции с $\emptyset_{ref}$ здесь нет. Так, например, наряду с зафиксированным высказыванием (30), в принципе допустима и эллиптическая конструкция:

(33) *Теперь можешь скидывать $\emptyset_{ref}$.* (= Скидывать ненужную карту).

Однако для того, чтобы высказывание (33) стало контекстно адекватным, необходимо, чтобы был активирован конкретный референт (например, такое высказывание возможно, если слушающий уже продемонстрировал ту карту, которую он собирается *скидывать*), а не общий фрейм, сама возможность обозначаемого действия, т.е. скидывания карт в данный момент игры.

Другим примером отрегулированных сфер поведения являются различные типовые профессиональные действия. Образование соответствующих АВГ можно проиллюстрировать примерами, приводимыми Б.Ю. Норманом: *сниматься* ‘снимать кассу’ (в речи кассирш), *перегоняться* ‘перегонять материал по спутниковой связи’ (в речи телевизионщиков), *загружаться* ‘загружать информацию’ (в речи компьютерщиков) [Норман 2004: 404].

С обсуждаемым свойством ситуаций использования АВК, т.е. активизированностью определенного фрейма, связана и другая особенность этих конструкций – то, что они используются почти исключительно по отношению к запланированным и контролируемым действиям; только при кодировании ожидаемых действий говорящий теоретически может обойтись без эксплицитного упоминания объекта. В собранном корпусе высказываний не фиксируются АВГ, сопровождаемые наречиями типа *случайно*, *нечаянно* и т.д., – когда то или иное действие является неожиданным, незапланированным, оно само и его объект представляют новую информацию и говорящий вынужден использовать полную переходную конструкцию.

На этом этапе можно вспомнить, что при рассмотрении (нормативных) глаголов с включенным объектом (лексических АВГ) в литературе неоднократно указывалось на наличие между их субъектом и (невербализованным) объектом посессивных отношений, чаще всего – отношений неотчуждаемой или квазиотчуждаемой принадлежности [Янко-Триницкая 1962; Кретов 1978; Gerritsen 1990]. Интересно то, что в учитывающей материал конструкций, называемых мной конситуативными АВК, статье [Норман 2004] мысль об обязательном наличии посессивных отношений между субъектом и объектом этих конструкций не отвергается эксплицитно, но несколько корректируется. Б.Ю. Норман утверждает, что «объект, включаемый в семантику новообразованного возвратного глагола, находится не в случайных, но в **системных отношениях** с субъектом этого действия» [Норман 2004: 405; выделение наше. – С.С.]. В качестве иллюстрации этого тезиса, наряду с традиционными примерами, где подразумеваемый объект связан с субъектом именно посессивными отношениями («*Он вложился* – это значит ‘он вложил свои средства’...» [Норман 2004: 405]), приводятся и единичные примеры, не укладывающиеся в идею о посессивности в собственном смысле слова: «*Она убирается* – ‘она убирает квартиру’ (не случайную, а одну и ту же, в каких-то своих целях)» [Норман 2004: 405].

Высказанное выше предположение о роли когнитивных фреймов при использовании конситуативных АВК позволяет по-новому взглянуть на вопрос о связи этих конструкций с семантикой посессивности. По всей видимости, посессивные отношения между действующим лицом и имплицитным объектом АВК – это лишь **частный случай** тех отношений, которые могут связывать в единый фрейм двух участников ситуации, описываемой при помощи АВК. Действительно, среди высказываний с конситуативными АВГ фиксируется довольно много таких конструкций, для которых парафразы с посессивным притяжательным местоимением кажутся невозможными или очень неестественными:

- (34) *Я залился сегодня на сто рублей.* (= Залил бензин в бак машины). Ср. ???*Я залил мой бензин на сто рублей.*
(35) *Надо скопироваться здесь.* (= Скопировать кусок текста из одного файла в другой). Ср. ???*Надо скопировать мой кусок текста.*

При этом, разумеется, сама по себе невозможность эксплицитного выражения посессивных отношений в соотносительной переходной конструкции не свидетельствует о том, что такие отношения не связывают действующее лицо и подразумеваемый объект АВК на уровне семантики, ведь, если понимать посессивные отношения расширительно, то такие отношения обычно, вообще говоря, наблюдаются в АВК, в частности, и в высказываниях (34)–(35). Однако, можно заметить, что в общем-то любой объект сознательного целенаправленного действия оказывается связан посессивными отноше-

ями в расширенном понимании с субъектом этого действия⁹. Получается, что при расширенном понимании посессивности встречаемое в литературе утверждение о том, что АВГ **выражают** посессивные отношения, не имеет реального содержания, поскольку при таком подходе любой объект в обычной переходной конструкции оказывается связан с Агенсом именно такими отношениями. Что же касается принадлежности как таковой, т.е. узко понимаемых посессивных отношений, то они характеризуют конситуативные АВК далеко не всегда, что иллюстрируется, и примерами (34)–(35), и – еще более ярко – следующим высказыванием:

(36) *Я не всегда, но в большинстве случаев тоже **повторюсь**. (= Повторяю заявку предшествующего игрока).*

Высказывание (36) зафиксировано при игре в преферанс; отметим, что правилам этой игры иногда можно повторять заявку **другого** игрока, **свою** же заявку повторять нельзя никогда. Таким образом, глагол *повторяться* употреблен здесь не в привычном значении, в котором компонент посессивности в обычном понимании, действительно, присутствует ('повторять **свое** высказывание или **свое** действие'). Высказывание (36) еще раз подтверждает и то, что возможность образования конситуативного АВГ связана не с языковой «устойчивостью глагольно-именных сочетаний» (это предположение, напомним, было высказано Б.Ю. Норманом [Норман 2004: 404]), а с **внеязыковой** заданностью соответствия действия и его возможного объекта в рамках определенного ситуативно активированного фрейма.

Что же касается тезиса Б.Ю. Нормана о необходимости **системных** (противопоставленных случайным) отношений между объектом, включаемым в семантику АВГ, и субъектом этого действия [Норман 2004: 404], то этот тезис в целом подтверждается с тем, однако, нюансом, что если **случайными** такие отношения, по всей видимости, действительно, быть не могут никогда, то степень их **системности** различна для разных конструкций. Для употребления в речи АВК необходимо, чтобы в **конкретной речевой ситуации** эти отношения были тем или иным образом фиксированы, заданы. То же, насколько эти отношения являются собственно системными, т.е. устойчивыми, внеконтекстными, влияет не столько на возможность употребления конкретного АВГ в речи, сколько на вероятность его закрепления в узусе. Если определенная АВК опирается на такой фрейм, который оказывается актуализован лишь в не вполне типичной ситуации, то соответствующий АВГ едва ли станет использоваться в речи регулярно – многие из приводившихся выше высказываний с АВК могли быть употреблены и адекватно поняты лишь в своей конситуации. Если АВК опирается на такой фрейм, который регулярно актуализуется лишь при языковом оформлении какой-то специфической сферы деятельности, то соответствующий АВГ может стать частотным именно для таких ситуаций и для носителей языка, которые регулярно сталкиваются с такими ситуациями (отсюда, например, упоминавшиеся выше профессионализмы). Наконец, АВГ может опираться на крайне устойчивые внеситуативные фреймы и в таком случае для этого образования велика вероятность закрепления в системе языка. Именно поэтому, как представляется, среди лексически закрепленных АВГ очень много таких, в которых инкорпорируемым объектом является та или иная часть тела субъекта: в отличие от, например, ситуации «игрок и (повторяемая им) заявка предыдущего игрока при игре в преферанс» – см. высказывание (36), – когнитивный фрейм «человек и (типовое действие направленное на) его часть тела» является универсальным и внеситуативным. Та-

⁹ Такое грамматическое осмысление внешней действительности проявляется – среди прочего – в том, что при помощи базовой посессивной конструкции во многих языках зачастую могут быть выражены самые разные типы отношений между объектом и лицом («посессором»), которое осуществляет с этим объектом какие-либо действия, не обязательно являясь «обладателем» в собственном смысле слова, см. об этом, например [Koptjevskaja-Tamm 2002].

ким образом, **вероятность закрепления** в узусе АВГ связана со степенью **стабильности** тех фреймов, на основе которых они образуются; понятно, что наиболее стабильными являются фреймы, связанные с отношениями (квази)неотчуждаемой принадлежности.

2. Конситуативные АВК и (хронологическое) упорядочивание действий

Частным следствием предложенной выше общей прагматической характеристики конситуативных АВК является также и то, что эти конструкции особенно частотны в тех контекстах, когда сам характер обозначаемого глаголом действия и набор его участников доступны коммуникантам заранее и единственное, что устанавливается в высказывании, – это относительная или абсолютная характеристика **порядка** выполнения действий, как, например, в следующем высказывании:

(37) *Вы уже **заказались**?* (= заказали то, что хотели). {Официантка выясняет у посетителей кафе, сделали ли они уже заказ}.

Установление порядка действий очень часто служит планированию, при этом речь может идти и о собственных действиях говорящего (38), и о действиях слушающего (39), и об их совместных действиях (40); некоторые примеры такого типа приводились и выше:

(38) *А **потом** я **подамся**.* (= Подаю документы на изготовление нового паспорта). {Перед этой репликой говорящий выяснял, когда он сможет получить необходимые для паспорта фотографии}.

(39) *Ты иди пока, **открывайся**.* (= Открывай файл). {Говорящий обещал слушающему помочь в редактировании некоего файла. Теперь говорящий понимает, что у него мало времени, и просит слушающего ускорить процесс, заранее открыв нужный файл на компьютере}.

(40) *Ну что, **убираемся**?* (= Убираем посуду со стола, чтобы освободить на нем место). {= Пора ли уже убирать посуду со стола?}.

Неудивительно, что наречные выражения, отражающие взаимное упорядочивание действий, такие как *потом* (38), *еще не* (41) и особенно *уже* (37), (42)–(43) регулярно используются в конструкциях с конситуативными АВГ. Последнее наречие, *уже*, обнаруживается примерно в 12% всех высказываний с конситуативными АВГ:

(41) *Ты что, видел, что я **еще не заводилась**?* (= Еще не заводила машину).

(42) *Ну что, **уже начали сдаваться**?* (= Сдавать работы). {Диалог между двумя членами жюри на олимпиаде для школьников. Говорящий входит в аудиторию, где уже сидит слушающий, и хочет узнать, начали ли дети сдавать свои работы}.

(43) *Ты **уже завязалась**?* (= Завязала шнурки). {Говорящий собирается выйти из дома вместе со слушающим и ждет, пока тот завяжет специальные шнурки на верхней одежде}.

Можно заметить, что высказывания (37), (42)–(43) содержат общие вопросы, т.е. вопросы, на которые можно ответить «да» или «нет». Сам характер события, о котором говорится в этих высказываниях, заранее известен говорящему, и он только хочет узнать, произошло ли уже это ожидаемое событие или нет. Так, например, в речевом акте, в рамках которого было порождено высказывание (42), коммуниканты разделяли то априорное знание, что участники олимпиады, выполнив задания, сдадут свои работы. Эксплицитное указание на «сдаваемый» объект не является необходимым для выполнения основной коммуникативной задачи высказывания, а именно, для выяснения того, начался ли уже нетерпеливо ожидаемый процесс сдачи работ.

3. АВК как альтернатива неинформативной номинации объекта

В некоторых случаях из тех, когда объект, претендующий на статус прямого дополнения, прагматически нерелевантен, говорящие к тому же не обладают знаниями об этом объекте, достаточными для того, чтобы осуществить его полноценную номинацию. Единственно возможный тип номинации в таких случаях – это тавтологическая экспликация того, что речь идет об объекте, над которым Агенс собирался произвести (должен был произвести, точно произвел и т.п.) действие, обозначенное глаголом, как в следующих примерах:

- (44) *Ну что, **выгрузись**, и пойдём.* (= Выгрузи то, что ты мне принес). {Слушающий пришел навестить говорящего в больнице; они вместе собираются выйти на прогулку. Говорящий хочет, чтобы слушающий сначала вынул из рюкзака то, что там лежит. При этом говорящий точно не знает, что находится в рюкзаке}.
- (45) *Здравствуйте, раздевайтесь, **доставайтесь**, **раскладывайтесь**.* (= Доставайте то, что вы принесли, раскладывайте эти вещи).

Отчасти примыкает к приведенным высказываниям и следующее:

- (46) *Сейчас **продам**ся и пойду скажу девочкам, чтобы вам курочки принесли.* {Говорящий – женщина, продающая пассажирам поезда съестное во время долгой остановки. *Сейчас **продам**ся и...* означает примерно следующее: ‘когда я закончу свои дела...’}.

Сам говорящий, породивший высказывание (46), скорее всего, знает, что он собирается продавать, но справедливо полагает, что **слушающему** это неизвестно и, в общем-то, абсолютно безразлично. Поэтому адекватной перифразой этой АВК, как и в случаях с высказываниями (44)–(45), могла бы быть, пожалуй, только переходная конструкция с весьма громоздким и неинформативным ПД, например, *когда я продам то, что хочу продать*.

Итак, использование АВК позволяет говорящим избегать неинформативных тавтологических номинаций. На примерах, приведенных под номерами (44)–(46), особенно хорошо видно, что функция АВК заключается в контекстной интранзитивации, необходимой из-за того, что подобранная для вербализации внешней действительности глагольная лексема является (сильно)переходной, а название объекта, с точки зрения говорящего, является избыточным или малоинформативным. Таким образом, здесь можно говорить об иконическом уподоблении синтаксической структуры высказывания его прагматической структуре. Как представляется, приведенные примеры ставят под сомнение высказанное Б.Ю. Норманом предположение о том, что возможность образования АВГ, называемых им посессивно-возвратными глаголами, связана с «устойчивостью глагольно-именных сочетаний» [Норман 2004: 404] – в случаях, подобных представленным под номерами (44)–(46), «исходные» переходные употребления не только не являются устойчивыми, но даже и восстанавливаются с некоторым трудом.

IV. ВЫВОДЫ

Итак, конситуативная АВК используется в русском языке в ситуации, когда и синтаксически переходная структура, и структура с незаполненной валентностью на прямое дополнение переходного глагола оказываются прагматически нежелательны. В частности, использование конситуативной АВК отражает 1) стремление говорящего избежать фокусирования внимания на прагматически нерелевантном референте, претендующем на статус ПД, с одной стороны, и 2) нетематичность и неактуализированность этого референта, ведущая к его недоступности для анафорического восстановления по контексту, с другой стороны. В целом использование русских АВК является своего рода ком-

промиссом в ситуации конфликта между **семантическими** параметрами высказывания, обуславливающими выбор исходной переходной глагольной лексемы для лексикализации ситуации, и его **прагматическими** параметрами, а именно, низким дискурсивным рангом опускаемого участника. Общее функциональное своеобразие АВК отвечает за их более частные дискурсивные свойства и за характер тех ситуаций, в которых они регулярно фиксируются.

Еще одной стороной конситуативных АВГ, которая, как представляется, была в некоторой степени прояснена выше, является проблема ограничений на их образование. По всей видимости, такого рода ограничения по сути дела не являются лексическими в собственном смысле слова, а оказываются лишь лексическим проявлением тех дискурсивно-прагматических свойств, которые характеризуют АВК. Действительно, прагматические свойства конситуативных АВК предполагают, что эти конструкции могут использоваться тогда, когда речь идет о контролируемом действии одушевленного лица, направленном на прагматически нерелевантный (неодушевленный) объект; таким образом, АВГ не образуются от таких переходных глаголов, которые по своим субкатегоризационным свойствам задают одушевленность прямого дополнения (*обрадовать; побить* в недистрибутивном прочтении) и/или неодушевленность подлежащего (*вместить*); также не фиксируются АВГ, образованные от глаголов, обозначающих состояния, в частности, от экспериенциальных глаголов (*видеть, любить*), и от глаголов, в семантику которых входит компонент непреднамеренности (*задеть*).

Наконец, следует отметить, что русские конситуативные АВГ оказываются не совсем обычными в свете известного типологического обобщения, относящегося к функциям антипассивных конструкций. Речь идет о связи антипассива с параметрами, обобщенными П. Хоппером и С. Томпсон в рамках макропараметра (семантической) Переходности [Hopper, Thompson 1980]. В классической статье П. Хоппера и С. Томпсон был предложен список из 10 взаимно скоррелированных параметров (см. Таблицу 3) и было показано, что в самых различных языках отклонения от прототипических для переходной конструкции значений этих параметров (см. левый столбец Таблицы 3) регулярно отражаются на уровне морфосинтаксиса тем или иным отклонением от собственно переходной конструкции.

Таблица 3

Параметры Переходности по [Hopper, Thompson 1980: 252]

	HIGH	LOW
A. PARTICIPANTS	2 or more participants	1 participant
B. KINESIS	action	non-action
C. ASPECT	telic	non-telic
D. PUNCTUALITY	punctual	non-punctual
E. VOLITIONALITY	volitional	non-volitional
F. AFFIRMATION	affirmative	negative
G. MODE	realis	irrealis
H. AGENCY	A high in potency	A low in potency
I. AFFECTEDNESS OF O	O totally affected	O not affected
J. INDIVIDUATION OF O	O highly individuated	O non-individuated

Неудивительно, что использование антипассивных конструкций – т.е. одного из способов детранзитивации – во многих языках систематически отражает пониженную семантическую Переходность; в наиболее ярком виде этот тезис отстаивался в посвященной типологии антипассива статье Э. Коореман [Cooreman 1994], в которой для каждого

из 10 параметров был обнаружен по крайней мере один такой язык, в котором понижение Переходности по этому параметру отражалось бы при помощи мены переходной (эргативной) конструкции на антипассивную.

Интересно при этом, что четкой связи между использованием русских конситуативных АВК и понижением Переходности в целом не прослеживается; некоторые из этих 10 параметров, как представляется, нерелевантны для АВК (С, D, F, G, I, J), другие же параметры (А, В, Е, Н – все эти свойства так или иначе обсуждались выше) связаны с использованием АВК неожиданным с типологической точки зрения образом: конситуативные АВК возможны только при **Переходных** значениях этих параметров. Таким образом, в каком-то смысле получается, что русские конситуативные АВК коррелирует с высокой, а не с низкой Переходностью.

Как представляется, объяснение такой несколько парадоксальной картины связано с тем, что функции русских АВК следует интерпретировать скорее на уровне прагматики, чем на собственно семантическом уровне. В каком-то смысле, использование конситуативных АВК связано с параметрами I и J, если их переформулировать в прагматических терминах: подразумеваемый объект в АВК в принципе может быть вполне индивидуализированным и полностью вовлеченным в действие, но по каким-то причинам индивидуализированность и вовлеченность объекта оказываются несущественными для говорящего. В каком-то смысле можно считать, что расширение модели, представленной лексически закрепленными АВГ, приведшее к образованию конситуативных АВГ, отражает своего рода прагматическое переосмысление параметра J – индивидуализированности объекта. Действительно, семантически инкорпорированные объекты лексических АВГ (части тела и другие посессумы) по самой своей природе референциально не независимы от референции субъекта, т.е. обладают пониженной индивидуализированностью в любом контексте, где присутствует их посессор. «Опускаемые» же объекты конситуативных АВГ оказываются референциально зависимы от других участников ситуации лишь в рамках определенного прагматического контекста и именно в таких ситуациях могут не выражаться при помощи полноценного референциального выражения.

Следует заметить, что в работе П. Хоппера и С. Томпсон было показано, что сами выделенные ими параметры являются своего рода семантическим преломлением дискурсивного противопоставления приоритетных (foregrounded) и фоновых (backgrounded) клауз. В каком-то смысле можно признать, что, таким образом, русские конситуативные АВК отражают само это базовое дискурсивно-прагматическое противопоставление, а не его конкретные семантические корреляты: по всей видимости, употребление конситуативных АВК в целом отражает фоновость той части выражаемой клаузой информации, которая связана с изменением состояния Пациентива.

Подводя итоги всему обсуждению функций конситуативных АВК, следует заметить, что использование этой конструкции связано с нетривиальным распределением прагматического «веса» между различными компонентами выражаемого смысла. Такая ориентация на прагматическую, а не на собственно семантическую составляющую высказывания, как известно, свойственна «молодым» грамматическим явлениям¹⁰, т.е. категориям и конструкциям, которые являются слабо грамматикализованными и не являются обязательными для каких-то определенных семантических контекстов. С грамматикализационной молодостью русских АВК и связано, вероятно, то, что они не обнаруживают характерной для более грамматикализованных антипассивных конструкций других языков жесткой корреляции с пониженной Переходностью и низким референциальным статусом объекта.

¹⁰ О том, что чувствительность к прагматической важности участника, а не к его референциальным характеристикам является свойством «молодых» грамматических средств, см. например [Wright, Givón 1987].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1983 – Ю.Д. *Апресян*. Синтаксические средства выражения посессивности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках. М., 1983.
- Князев 2005 – Ю.П. *Князев*. Проблемы описания грамматической семантики: Дисс. ... док. филол. наук. СПб., 2005 (рп.).
- Князев, Недялков 1985 – Ю.П. *Князев*, В.П. *Недялков*. Рефлексивные конструкции в славянских языках // В.П. Недялков (ред.). Рефлексивные глаголы в индоевропейских языках. Калинин, 1985.
- Кретов 1978 – А.А. *Кретов*. Особенности семантики возвратных глаголов включенного неодушевленного объекта в русском языке // В.И. Собиинникова (ред.). Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1978.
- Норман 2004 – Б.Ю. *Норман*. Возвратные глаголы-неологизмы в русском языке и синтаксические предпосылки их образования // В.С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Падучева 2004 – Е.В. *Падучева*. Диатеза как метонимический сдвиг // В.С. Храковский, А.Л. Мальчуков, С.Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М., 2004.
- Полинская 1986 – М.С. *Полинская*. Диффузные глаголы в синтаксисе эргативных языков: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1986.
- Янко-Триницкая 1962 – Н.А. *Янко-Триницкая*. Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962.
- Brecht, Levine 1985 – R.D. *Brecht*, J.S. *Levine*. Conditions on voice marking in Russian // M.S. Flier, R.D. Brecht (eds.). Issues in Russian morphosyntax. Columbus, 1985.
- Catford 1976 – J.C. *Catford*. Ergativity in Caucasian languages // Papers from the 6th meeting of the North Eastern linguistic society. [Montreal working papers in linguistics] / A. Ford, J. Reighard, O.E. Pfeiffer (eds.). Montreal, 1976.
- Chafe 1987 – W.L. *Chafe*. Cognitive constraints on information flow // R.S. Tomlin (ed.). Coherence and grounding in discourse. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
- Cooreman 1994 – A. *Cooreman*. A functional typology of antipassives // B. Fox, J.P. Hopper (eds.). Voice: Form and function. Amsterdam, 1994.
- Du Bois 1987 – J.W. *Du Bois*. The discourse basis for ergativity // Language. V. 63. № 4. 1987.
- Du Bois et al. 2003 – J.W. *Du Bois*, L.E. *Kumpf*, W.J. *Ashby* (eds.). Preferred argument structure. Grammar as architecture for function. Amsterdam; Philadelphia, 2003.
- Gerritsen 1990 – N. *Gerritsen*. Russian reflexive verbs. Amsterdam; Atlanta, 1990.
- Givón 1979 – T. *Givón*. On understanding grammar. New York; San Francisco; London, 1979.
- Givón 1984 – T. *Givón*. Syntax. A functional-typological introduction. V. I. 1984; V. II. 1990. Amsterdam; Philadelphia, 1984.
- Hopper, Thompson 1980 – P.J. *Hopper*, S.A. *Thompson*. Transitivity in grammar and discourse // Language. V. 56. № 2. 1980.
- Koptjevskaja-Tamm 2002 – M. *Koptjevskaja-Tamm*. Adnominal possession in the European languages: form and function // Sprachtypologie und Universalienforschung. V. 55. 2002.
- Kozinsky et al. 1988 – I.Š. *Kozinsky*, V.P. *Nedjalkov*, M.S. *Polinskaja*. Antipassive in Chukchee: oblique object, object incorporation, zero object // Masayoshi Shibatani (ed.). Passive and voice. Amsterdam, 1988.
- Nichols 1985 – J. *Nichols*. The grammatical marking of theme in literary Russian / M.S. Flier, R.D. Brecht (eds.). Issues in Russian morphosyntax. Columbus, 1985.
- Say 2005 – S. *Say*. Antipassive *Sja*-verbs in Russian: Between inflection and derivation // W.U. Dressler, D. Kastovsky, O.E. Pfeiffer, F. Rainer (eds.). Morphology and its demarcations. Amsterdam; Philadelphia, 2005.
- Wright, Givón 1987 – S.S. *Wright*, T. *Givón*. The pragmatics of indefinite reference. Quantified text-based studies // Studies in language. V. 11. 1987.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АВГ – Антипассивный возвратный глагол
 АВК – Антипассивная возвратная конструкция
 ИГ – Именная группа
 О – Пациентоподобный актант переходного предложения
 ПД – Прямое дополнение